

Гоголь в Словакии: проблемы перевода и интерпретации

Словацкие русисты давно уже обратились к проблеме восприятия Гоголя в Словакии, характеризовали влияние русского классика на словацкую прозу, отмечали типологические схождения гоголевских произведений с повестями и романами словацких авторов. Еще в 1920 г. вопрос о наследии Гоголя в связи с изучением творчества Мартина Кукучина (1860–1928) поднял Й. Шкултетты¹. В различных ракурсах вопрос затрагивался в работах Й. Йирасека² и В. Бобека³. Не обойден Гоголь вниманием в общих исследованиях, посвященных русско-словацким культурным связям⁴. Специальную статью на данную тему написал А. Мраз⁵, а выдающийся словацкий литературовед Д. Дюришин выпустил монографию «Словацкий реалистический рассказ и Н.В. Гоголь»⁶. Эта работа, вышедшая более полувека назад, остается единственной книгой о Гоголе на словацком языке.

Что касается советских исследований, то тема «Гоголь в Словакии» в лучшем случае затрагивалась как малая составляющая в общей характеристике чехословацко-русских связей или при рассмотрении наследия писателя в более широком контексте. Ряд работ несет на себе печать ушедшей эпохи с ее идеологическим диктатом⁷.

Заслуживает интереса статья А.П. Соловьевой и Р.Ф. Дорониной «Гоголь и развитие реализма в литературах южных и западных славян» (1988). В ней указаны первые публикации переводов произведений русского писателя на страницах словацкой периодики, упомянута статья С. Бодицкого – первая работа о Гоголе на словацком языке, опубликованная в 1881 году в журнале «Словенске погляды», отмечено значение творчества Гоголя для таких словацких писателей, как М. Кукучин и Я. Есенский. Однако авторы не отвечают на вопрос, почему Гоголь долгое время не переводился на словацкий язык, вскользь упомянув, что «знакомство словацких читателей с классиками

русского реализма <...> имело место *несколько позже, чем в Чехии...*»⁸ Но если в Чехии произведения Гоголя переводили еще при жизни писателя⁹, то словацки они стали публиковаться только с конца шестидесятых годов XIX века. «Когда в 1847 г. на страницах „Орла татранского“ впервые появилось в Словакии имя Гоголь в связи с Достоевским (“...В России очень нравится роман “Бедные люди” Ф.М. Достоевского... русская критика... предсказывает ему большую славу, как Гоголю – знаменитому писателю повестей”), это не означало почти ничего: из Гоголя у нас не было переведено ни строчки. Мы знали его только по чешским и польским переводам»¹⁰, – пишет автор предисловия к двухтомному словацкому изданию Н.В. Гоголя проф. А. Червеняк.

Причина позднего прихода Гоголя к словацкому читателю может показаться парадоксальной – это любовь к России, русофильство словацкой интеллигенции. Противостояние многовековому государственному гнету, политике мадьяризации словацкого населения обусловило приверженность деятелей словацкой культуры идеям панславизма. «Словацкая культурная и литературная мысль (Коллар, Шафарик, затем штуровцы), связывавшая все надежды на свободу словацкого народа с (царской) Россией, не нуждалась в писателе, который изображал загнивание и распад поручителя этой надежды»¹¹.

Гоголь мог быть принят панславистами лишь как автор «фольклорных» произведений. Сделанный Б. Носак-Незабудовым (1818–1877) перевод «Повести о капитане Копейкине»¹², по словам С. Лесняковой, «является исключением не только с точки зрения тогдашнего, но и позднейшего выбора произведений Гоголя. Дело в том, – поясняет исследовательница, – что писатель рисует весьма негативный образ русского общества, абсолютно противоречащий словацким идеализированным представлениям о жизни в царской России»¹³.

Итак, в неприятии Гоголя как сатирика и критика современной ему

российской действительности кроются причины более позднего, в сравнении с чешской культурой, освоения гоголевского творчества в Словакии. То, что «гоголевская художественная индивидуальность чехам была известна уже в тридцатые года», объясняют также тем обстоятельством, что популярности Гоголя «способствовали писательские встречи и особенно контакты с некоторыми представителями чешской литературной жизни»¹⁴. На первое место при этом выдвигается фигура Яна Коллара (1793–1852). Но «представитель чешской литературной жизни» Коллар был чешско-словацким поэтом. Словак по рождению, он писал свои произведения по-чешски, но со множеством особенностей того среднесловенского говора, который скоро сделался литературным языком словаков. Собиратель славянского фольклора, защитник политических и культурных прав словаков, этот деятель славянского возрождения был среди чешских литераторов особенно близок Гоголю – малороссу, писавшему по-русски. О личных связях русского писателя с Колларом, о том, что Гоголь пытался помочь собрату по перу, находившемуся в трудном положении, свидетельствует письмо Гоголя из Рима М.П. Погодину от 5 мая 1839 г. «Ничего я до сих пор не сделал для Коллара, – сожалеет Гоголь и рассказывает о предпринятых шагах: – Виделся наконец с Демидовым, но лучше если бы не делал этого. – Чудак страшный! Его останавливает что бы ты думал? Что скажет государь? Что мы переманиваем Австрийского подданного. Из этого, де, могут произойти неприятности между двумя правительствами. Я толковал ему, что мы не переманиваем, но что это вспоможение, которое оказать никому не может быть воспрещено, но заметил, что мои убеждения были похожи на резиновый мячик, которым сколько ни бей в стену, он от нее только что отскакивает» (X, 224).

П.Н. Демидову (1798–1840), одному из членов семьи Демидовых, владельцев уральских заводов, Гоголь был благодарен за поддержку «Ревизора» в 1836 г., о чем писатель узнал позднее. Учредивший в 1830 г. ежегодные так

называемые «демидовские награды» – для поощрения наук, техники и искусства, Демидов требовал (увы, безуспешно!) от Российской Академии наук, которой передоверил право определять претендентов на премию, наградить Гоголя – автора комедии «Ревизор»¹⁵. Скорее всего, узнав об этом факте, Гоголь и обратился к меценату с просьбой оказать финансовую помощь словацкому поэту. Попытка Гоголя не увенчалась успехом: опасения Демидова, говоря словами гоголевского Манилова, «не будет ли <...> эта негоция не соответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России» (VI, 35), стали непреодолимым препятствием на пути благородного деяния.

Славянские симпатии, как отмечает А. Червеняк, пробудились у Гоголя еще в лицейские годы. Исследователь акцентирует внимание на роли директора Гимназии высших наук (Лицея кн. Безбородко) И.С. Орлая в формировании взглядов юного Гоголя. Выходец из Австро-Венгрии, Орлай «знал Коллара, Шафарика и других словацких просветителей. Свой народ в австро-венгерской тюрьме народов никогда не забывал. От него Гоголь впитал духовный модус славянской – и словацкой – культуры. К нему, возможно, тянутся нити Тараса Бульбы и образа Карпат в гоголевской повести “Страшная месть”»¹⁶. Если образы повестей Гоголя, может, и не следует напрямую связывать с влиянием лицейского наставника, общая характеристика истоков симпатий к славянской и словацкой культуре вполне правомерна. В зрелые годы Николай Васильевич не изменил своим симпатиям, проявил участие к словацкому поэту, хотя и Коллар, и Шафарик, и их последователи не пропагандировали сочинений Гоголя в словацкой среде и сознательно избегали переводить произведения русского писателя, как «порочащие» их идеал – Россию.

Даже в начале XX века поэма «Мертвые души» не доходила до словацкого читателя, хотя попытки, и весьма успешные, перевода этого главного произведения Гоголя предпринимались. В Архиве литературы и искусства Матицы словацкой (г. Мартин) хранится рукопись Юрая Маро под названием

«Похождения Чичикова или Мертвые души»¹⁷. В рукописи нет данных о времени ее написания, поэтому установить точно, когда был сделан перевод, весьма трудно. Даты жизни переводчика известны: 21 апреля 1853 – 26 марта 1918 г. Интерес к русской литературе проявился у Маро с раннего детства. Пребывание в России, знакомство с русскими писателями (шесть недель, в частности, он гостил у Льва Толстого) предопределили его переводческую будущность: с конца XIX в. Юрай Маро – ведущий переводчик газеты «Народне новины» и журнала «Словенске погляды». Почему же его перевод гоголевских «Мертвых душ» – первый полный словацкий перевод – остался неопубликованным? Скорее всего, по тем же идейным причинам, которые и прежде сдерживали словацких любителей русской словесности обращаться к творчеству Гоголя. Например, относительно переводов рассказов А.П. Чехова (с 1901 по 1914 г. Маро перевел 144 его произведения) А.Г. Машкова пишет: «Однако русофильские взгляды не позволяли Маро обратиться к рассказам, в которых звучала критика российской действительности. <...> По мере усиления критической направленности прозы Чехова Маро отказался от ее перевода, ограничиваясь лишь старыми публикациями ранних рассказов, а затем он и вовсе переключился на Куприна...»¹⁸ Русофильские взгляды переводчика встали и на пути публикации поэмы Гоголя. А жаль: принципы презентации текста – использование подстрочных сносок-комментариев – заслуживают внимания, неопубликованная работа может поспорить со многими последующими опытами перевода произведений Гоголя.

Современный словацкий читатель знакомится с Гоголем в переводах Даны Лехутовой: они составляют основной корпус текстов двухтомника произведений Гоголя, вышедшего в 1989 г., они же используются и в более поздних переизданиях. Насколько же адекватно представлен гоголевский текст в данной словацкой версии? Есть объективные языковые трудности, преодолеть которые переводчику не так-то просто. Возьмем, например, заглавие

гоголевской поэмы, в котором спаяны социально-исторические реалии, свойственные только России, и религиозно-символический смысл. Точный перевод заглавия «Matve duľe» не передает, однако, гоголевскую символику, основанную на наложении разных значений слова «душа». Вспомним о протесте цензора при первом упоминании заглавия произведения, о чем сам Гоголь рассказал в письме к П.А. Плетневу: «Как только, занимавший место президента, Голохвастов услышал название: Мертвые души, закричал голосом древнего римлянина: – Нет, этого я никогда не позволю: душа бывает бессмертна; мертвой души не может быть, автор вооружается против бессмертья. <...> Как только взял он в толк и взяли в толк вместе с ним другие цензора, что мертвые значит ревижские души, произошла еще бульшая кутерьма. – Нет, закричал председатель и за ним половина цензоров. Этого и подавно нельзя позволить, хотя бы в рукописи ничего не было, а стояло только одно слово: ревижская душа – уж этого нельзя позволить, это значит против крепостного права» (XII, 28–29).

Уже первая фраза поэмы¹⁹ Гоголя, если и не предваряет всего сочинения, то предлагает прочтение заглавия книги в определенном ракурсе: «В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки: отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие *около сотни душ крестьян*, словом, все те, которых называют господами средней руки» (VI, 7, курсив мой – Л.С.). «Сотня душ крестьян» исчезает в переводе: «statkбri so stovkou nevosnnkov...»²⁰

Перевод Лехутовой практически не в силах передать «игру смыслами» ни в заглавии поэмы, ни в ключевых сценах торгов мертвыми душами. Самое яркое «сталкивание» значений слова «душа» – реплика Собакевича – «Право, у вас душа человеческая все равно, что пареная репа» (VI, 105), – преобразуется автором перевода до неузнаваемости: «No, iloveие, vy ste naozaj z lacnejho kraja»²¹. (Дословно: «Но, человеце, вы действительно из дешевого края»).

Вместе с идиомой «дешевле пареной репы» пропала и главная тема – платы за человеческую душу и платы за владение крепостным. А ведь именно эта сцена вызывала особое опасение даже «прогрессивных» цензоров, о чем сообщал Гоголь: «Теперь следуют толки цензоров-европейцев <...> “Что вы ни говорите, а цена, которую дает Чичиков, <...> цена два с полтиною, которую он дает за душу, возмущает душу. Человеческое чувство вопиет против этого, хотя, конечно, эта цена дается только за одно имя, написанное на бумаге, но все же это имя душа, душа человеческая, она жила, существовала. Этого ни во Франции, ни в Англии и нигде нельзя позволить. Да после этого ни один иностранец к нам не придет”» (XII, 29).

Проблема передачи многозначности гоголевского названия поэмы, его конкретно-исторического и высшего – символического – смысла актуальна при переводе не только на словацкий язык. Как же следует поступать в подобных случаях переводчикам и издателям? Нужны развернутые комментарии к тексту, а не скупое упоминание о крепостном праве на развороте суперобложки. Сопоставление перевода Д. Лехутовой с работами других переводчиков позволяет увидеть различные пути решения трудной задачи адекватного представления гоголевского текста иноязычному читателю.

Ю. Маро с первой страницы поэмы Гоголя (подзаголовок переводчик сохранил) обильно использовал подстрочные сноски-комментарии к историко-социальным и бытовым реалиям русской жизни, к русизмам, которые вводил в словацкий текст. *Балалайка, щи, лапти, пуд, ватрушка* и пр. русские лексемы снабжены примечаниями переводчика. Щи (льїі) не превращались в капустницу – словацкое национальное блюдо, как у более поздних переводчиков, но сопровождалось пояснением: «Щи – национальная еда, приготовляемая из капусты (кислый суп)» (s. 98). Были при этом неточности в определениях, были попытки приравнять отдельные элементы русского быта к известным словацким реалиям. Например, *лапти* – «обувь из лыка», как справедливо

значилось в сноске, переводчик почему-то уподоблял словацким «капцам», то есть войлочным буркам (s. 103). «Ватрушка» именовалась «пирогом с начинкой» (s. 101), когда начинка у ватрушки всегда определенная – творог, и в словацком языке есть точное лексическое соответствие – tvarohovэ kolaи, tvarohннк. Вряд ли можно согласиться, что балалайка – это «примитивная лютя» (s. 94), в пуде, конечно, не «около 20-ти кг» (s. 101), а точно 16. Но все эти мелочи не снижают положительного впечатления от избранного переводчиком метода сочетания перевода с лингвокультурологическим комментарием. В первом своем примечании, сопровождавшем ключевое слово «душа», переводчик достигал цели – вводил читателя в социальную обстановку феодально-крепостнической России и раскрывал второе значение в русском языке понятия «душа», чем подготавливал читателя к постижению смысла чичиковской аферы и сюжета поэмы в целом. Словосочетание «сто душ крепостных» не исчезало бесследно из начальных строк первой главы: «...statkari, vlбdnuci tak asi po sto дульн^{*} sedliakov...» («помещики, имеющие около сотни душ крестьян» – s. 1). Отмеченное в тексте звездочкой слово сопровождалось развернутым пояснением: «В период крепостного права в России было обычаем считать состоятельность мелкопоместных дворян не по площади их земель, а по числу душ крестьян, которыми они владели, разумеется, мужских» (s. 1). Две с половиной строчки ссылки раскрывали реальные социальные основы невероятного предприятия героя.

Увы, рукопись Ю. Маро за целое столетие не привлекла внимание исследователей и издателей. Но бесспорное лидерство в истории переводов произведений Гоголя на словацкий язык занимают работы Зоры Есенской (1909–1972). «Мертвые души», увидевшие свет в ее переводе в 1946 г. и дважды переиздававшиеся (1952, 1961), следует считать не только лучшим переводом Гоголя на словацкий язык, но и одним из самых удачных, наиболее близких к оригиналу переводных произведений вообще. Переводчица не прибегала к

подстрочным примечаниям, как Маро, но находила в родном языке равнозначные, а порой и равнозвучные соответствия. Забываешь, что читаешь не оригинал: кажется, сам Гоголь заговорил по-словацки. Русизмы-«гоголизмы» органично входили в словацкую речь, расширяли и обогащали ее лексический состав.

С первых строк читатель постигал двойное значение слова «душа»: среди «холостяков», едущих в небольшой рессорной бричке, в точном соответствии с гоголевским текстом значились «...statkбri, io majъ asi sto duъn poddanэch ...»²² – «помещики, имеющие около сотни душ крестьян» («poddanэ» – барщинный крестьянин). Не выпадала из диалога Чичикова и Собакевича и сентенция о человеческой душе и пареной репе: «Naozaj, vy mбte duъи ani vareнь герu»²³ («Право, для вас душа словно вареная репа»). Можно привести еще десятки интересных примеров, но важнее охарактеризовать общее отношение Есенской к переводимому произведению, ее понимание художественного метода Гоголя.

С 80-х годов XIX в. словацкая критика (с традиционным опозданием) начала акцентировать внимание на реализме Гоголя, и в течение целого столетия ракурс восприятия и интерпретации гоголевского метода практически не менялся. В этом контексте трактовка гоголевского творчества, данная переводчицей в послесловии к книге, не может не вызывать заслуженного интереса. Э. Есенска задавалась вопросом, можно ли Гоголя заключить в «коробочку» под названием «реализм», и отвечала, что все в Гоголе столь огромно, и он «высовывается из любой коробочки» – *юмориста, реалиста, романтика*²⁴. «И отважмся сказать: еще более фантастическим является он в произведениях чисто реалистических...»²⁵ – писала Есенска в 1946 г., когда на родине писателя столь «крамольные» оценки давно были заклеены как «декадентская клевета на Гоголя». Но в послевоенной Чехословакии еще не установился диктат «единственно верной теории» и еще ощущались творческие импульсы Серебряного века, шедшие от русской эмиграции первой волны.

В подзаголовке книги Гоголя значилось – «Роман», но в статье переводчица подробно остановилась на авторском определении жанра «Мертвых душ» как *поэмы*, характеризовала первое издание, подготовленное Гоголем, где на титуле слово «поэма» было написано большими, бросающимися в глаза буквами. «Есть ли такой подзаголовок иронический, или следствие обстоятельств, что Гоголь задумал написать дальнейшие тома, где хотел изобразить положительные типы и в конце концов привести к покаянию и Чичикова? – спрашивала З. Есенска. – А что если и то и другое? А что если не то и не другое, а “Мертвые души” действительно являются “поэмой” о наипугающейшем из дьяволов – который мучил и Ивана Карамазова, то есть Достоевского, – о дьяволе срединности и обыденности?»²⁶ (На память приходят страницы книги Д.С. Мережковского «Гоголь и чёрт», 1906). В переиздании книги 1961 года переводчица восстановила на титульном листе гоголевский подзаголовок «Мертвых душ» – «Ройма».

Почему же в последующие годы мастерский перевод З. Есенской не переиздавался? Почему переведенный ею «Ревизор» (по оценкам критики, «для нее как переводчицы русской классики нетипичный»²⁷, модернизированный) известен лишь в ротاپринтном варианте для театральной постановки (Bratislava: DILIZA, 1961)? Почему после появления в 1968 г. сборника повестей «Mirhorod» словацкий читатель уже не имел возможности встретиться с Гоголем в переводе Есенской? Вновь причины внелитературные, идеологические встали на пути Гоголя к словацкому читателю. Прославленная переводчица попала в ЧССР в «черный список», не имела права печататься и до конца жизни была отлучена от литературы после того, как в 1969 году в издательстве «Татран» вышел переведенный ею роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Посмертная реабилитация «табуированной переводчицы»²⁸ не может считаться осуществленной до конца, пока переведенные ею книги вновь не появятся на книжных прилавках, пока истинный «словацкий Гоголь»

не станет народным достоянием.

Не все вопросы удалось охватить в ограниченных рамках статьи. Заслуживает внимания, например, судьба деятеля русской и словацкой науки, лингвиста с мировым именем – А.В. Исаченко, чьи лекции о Гоголе, читанные в Университете им. Я.А. Коменского в конце 40-х – начале 50-х гг. прошлого века, недавно найдены и опубликованы. Не затронута проблема словацких театральные интерпретаций гоголевских произведений, которые, в отличие от консервативных литературоведческих трактовок, нередко предлагали публике новаторские, смелые (порой слишком смелые) сценические решения. Но эти вопросы – предмет дальнейшей разработки темы «Гоголь в Словакии».

---

¹См.: *Ľb kultūry J. Martin Kukučín // Nĕrodné noviny*. 1920. И. 109.

²См.: *Jirĕsek J. Iesi, Slovĕci a Rusko*. Praha. 1933. S. 297, 298.

³См.: *Bobek W. Z dejnĕ jednĕho motĕvu // Slovenskĕ pohsady*. XLIX. [1931]. И. 5.

⁴*Popoviu A. Ruskĕ literatūra na Slovensku v rokoch 1863–1875*. Bratislava, 1961; *Ruskĕ literatūra v slovenskej kultūre v rokoch 1836–1996*. Bratislava, 1998.

⁵См.: *Mrĕz A. K poznaniu diela N.V. Gogosa u Slovĕkov // Zo slovenskej Literĕrnej minulosti*. Bratislava, 1953. S. 253–265.

⁶*Purĕlĕn D. Slovenskĕ realisticka poviedka a N.V. Gogos*. Bratislava, 1966. 243 s.

⁷См., например: *Савицкĕй В.Д. Творчество Гоголя в Чехословакии // Гоголь: статьи и материалы*. Л., 1954. С. 297–314.

⁸Гоголь и мировая литература. М., 1988. С. 98 (курсив мой – Л.С.).

⁹См.: *Taras Bulba. Ataman Zaporoĕcĕw. Obraz kozĕckĕho ĕiwota w 16 stoleti, z rusk. od N. Gogola рш. К.З. (Kar. Zap) // Квмты*. 1839. № 16–25.

¹⁰*Iervetĕk A. Hsadaĕ jednoty nejednotnĕho // Gogos N.V. I. Veĕery na dykatskom laze. Myrĕgorod. Petrohradskĕ рĕĕbeĕy*. Bratislava, 1989. S. 23. Здесь и далее все словацкие работы цитируются в переводе автора статьи.

¹¹Ibid.

¹²*Gogos N. Povesĕ o Kapĕtĕnovi Корĕjkynovi / Pr. Nezabudov // Sokol*. 1868. И. V. S. 133–136.

¹³*Ruskĕ literatūra v slovenskej kultūre v rokoch 1836–1996*. S. 18.

¹⁴*Popoviu A. Указ. соч.* S. 99.

¹⁵Подробнее см.: *Алянскĕй Ю.Л. Хорошее отношение к лошадям // Санкт-Петербургские ведомости*. 2009. 30 янв. Вып. № 016.

¹⁶*Iervetĕk A. Указ. соч.* S. 10.

---

¹⁷ Dobrodružstvб Ииикова, alebo Matve дуље. (Поема) N.V. Gogsa. Preložil J. Maro: Rkr., orig. 266 s. // Archiv literatury a umenia MS. Signatъra MJ 783. Далее ссылки на данную рукопись даются в тексте, в круглых скобках с указанием цитируемой страницы.

¹⁸ *Машкова А.Г.* Судьба творчества А.П.Чехова в Словакии // *Меценат и мир*. М., [2008]. № 37–40. Ч. 1. С. 240.

¹⁹ Жанровое обозначение «Поэма» на титульном листе «Мертвых душ» в переводе Лехутовой вообще не значитя.

²⁰ *Gogos N.V. Matve дуље / Preložila Dana Lehъtovб*. Bratislava, 2006. S. 5 (курсив мой – Л.С.).

²¹ Ibid. S. 103.

²² *Gogos N.V. Matve дуље: Romбн Z ruskejho originбlu Pochoђdenia Ииикова ili Mervуa Дуљи preložila Zora Jesenkб*. Bratislava, 1946. S. 5

²³ Ibid. S. 108. Замечу, что еще у Ю. Маро данная фраза была передана близко к русскому оригиналу («pre vбs тб дуља такъ сепи, ако varenб гера», s. 107), правда переводчик не сразу нашел нужный вариант, о чем свидетельствуют зачеркивания и исправления в белой рукописи.

²⁴ *Jesenskб Z. Gogosove Matve дуље // Gogos N.V. Matve дуље: Romбн*. Bratislava, 1946. S. 260.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid. S. 260–261.

²⁷ *Маруљиковб V. Gogosov Revnzor v preklade Zory Jesenskej // Romбoid*, рои. 27. 1992. И. 4. S. 60.

²⁸ Под таким названием вышла монография: *Maliti-Framovб E. Tabuizovanб prekladateska Zora Jesenskб*. Bratislava, 2007.